

Отзыв члена диссертационного совета В. Н. Барышникова на диссертацию Боровской Анны Александровны на тему «Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история

В существующем комплексе научно-исследовательских работ, посвященных истории российско-шведских отношений XX-го века, диссертация Анны Александровны Боровской занимает особое место. В тексте, представленной к защите диссертации, рассматриваются в целом достаточно непростые и одновременно весьма слабо изученные аспекты проявившихся тогда определенных внешнегосударственных связей. Автор, в качестве общего предмета своего исследования, избрала практически неизученную ранее проблему, касающуюся вопросов взаимоотношения шведского государства и общества со складывавшейся в 1918–1940 гг. в Швеции русской диаспоры (с. 9). При этом, в общем контексте исторического изучения отношений двух стран, вопрос, касающийся изучения русской «колонии» в Швеции, выглядит весьма необычно, поскольку ранее исследователи особо обращали внимание лишь на различные вопросы дореволюционного существования шведской диаспоры в России. В обсуждении данной проблемы в 1990-2000-е гг. прошло не одно заседание российско-шведских научных конференций. Также активно издавались соответствующие сборники статей и даже авторские монографические исследования. В результате изучение русской диаспоры в Швеции в межвоенный период в нашей стране носит, по своей сути, достаточно уникальный характер.

Также довольно неожиданным и нехарактерным для традиционных исследований выглядят хронологические рамки, которые диссертант избрала для изучения особенностей существования русской диаспоры в Швеции. Как представляется, А. А. Боровская, учитывая международное положение Швеции в межвоенный период, вполне обосновано отходит от классической этапности в периодизации истории Новейшего времени и достаточно оправдано затрагивает

09/2-82 от 02.10.2017

сюжеты русской эмиграции уже в начале Второй мировой войны (в 1939-1940 гг.). Это, несомненно, позволило автору диссертации рассмотреть в динамике целый ряд вопросов, касающихся взаимоотношения русской «колонии» со шведской общественностью и государством, а также затронуть определенные нюансы шведской иммиграционной политики.

Оценивая диссертационное исследование в целом, можно отметить, что общая структура работы выглядит вполне логичной. В ней, после соответствующего историографического анализа, который содержится во введении, далее, уже в первой главе основного содержания исследования, представлен весьма важный ретроспективный анализ этапов русской иммиграции в Швецию. Причем эти этапы рассматриваются вполне обоснованно и сугубо в соответствии с теми изменениями, которые наблюдались в шведской иммиграционной политике. Интересным, в данном случае, является и то, что в диссертации явно наблюдаются попытки анализировать процессы общего становления русской диаспоры постреволюционного периода. Причем автор явно стремится добиться комплексного исследования общих тенденций проявившихся в формировании русской «колонии» и в соответствии с наблюдавшимися в 1920-1930 гг. изменениями в иммиграционном законодательстве королевства.

Очень важно также то, что А. А. Боровская сумела обобщить довольно большой исторический материал, который позволил в исследуемый период определить авторскую классификацию этапов русской эмиграции в Швецию. В результате в работе весьма верно замечено, что после 1917 г. общая волна переселения из России мало затронула Швецию и в стране «сложилась одна из самых малочисленных и “слабых” русских диаспор» (с.49). Указанное обстоятельство выглядит в целом достаточно удивительным историческим явлением, поскольку тогда, как известно, в Европу буквально «хлынуло» значительное количество русских эмигрантов. Кроме того, известно, что среди определенной части жителей России уже с конца XIX в. явно просматривался интерес именно к странам Северной Европе и прежде всего к Швеции. Как отмечал известный скандинавист, профессор А. С. Кан, тогда, в отношении к

этой стране в России, «былое пренебрежение сменилось где-то в 90-х годах XIX века восхищением» (Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. М., С. 297). Отмеченное исследователем «восхищение», затем, в условиях серьезных потрясений постигших Россию, тем не менее, не выразилось в желании определенных представителей русского общества сменить свое место жительства и перебраться именно в данное государство. Это также требовало соответствующего пояснения.

Анализируя указанный парадокс, А. А. Боровская обратила внимание на исторические традиции, которые существовали в проявлениях эмиграционных потоков шедших из России. Она абсолютно верно отметила, что «число русских жителей в Швеции никогда не было значительным» (с.51). Но главным объяснением незначительности русской эмиграции в Швецию, как справедливо указано в диссертации, стала достаточно своеобразная шведская государственная иммиграционная политика. Именно ей автор и посвятила большую часть своей работы, досконально разобрав ее специфические особенности и соответствующие этапы (с.51-146).

В данном плане А. А. Боровская, используя, прежде всего, материалы двух шведских архивов - Государственного архива Швеции /Riksarkivet/ и Стокгольмского государственного архива /Stockholms stadsarkivet/, смогла на малоизученной документальной базе проанализировать то, каким образом формировалась в Швеции русская диаспора. Особенно полезным, как представляется, стал, в частности, анализ личных дел русских эмигрантов, приехавших в Швецию в то время. В результате нередко автору удавалось чудь ли не пофамильно исследовать проблемы получения русскими шведского подданства, а также весьма досконально изучить профессиональное и социальное положение членов формирующейся русской диаспоры. Кроме того, что выглядит достаточно любопытным, А. А. Боровская смогла проанализировать роль личных или родственных связей русских эмигрантов сначала для возможного въезда в страну, а затем и для получения здесь шведского гражданства (с.135-136).

Из представленного в диссертации материала вполне логичным выглядит

и общий вывод, содержащийся в первой части работы. А. А. Боровская совершенно верно отметила, что существование в Швеции ограниченной и локальной, по своей сути, русской диаспоры было, несомненно, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с общими тенденциями в иммиграционной политике королевства и, далее, с наличием в Швеции «особенных, специфических» опасений «по отношению именно к русским» (с.184).

Учитывая данные обстоятельства, автор, несомненно, правильно затем обратила свое внимание уже на особенности взаимодействия представителей русской диаспоры со шведским обществом (с.147-182). При этом, однако, А. А. Боровская явно здесь столкнулась с определенными исследовательскими проблемами, которые были связаны с малочисленностью исследуемой диаспоры, а также с ее «слабой организованностью» и «рассредоточенностью» по всей территории королевства (с. 148). В результате автор вынуждена была особо учитывать лишь русских эмигрантов, компактно проживавших тогда, прежде всего, в Стокгольме.

В этом отношении А. А. Боровская смогла достаточно подробно рассмотреть, прежде всего, попытки организации в шведской столице общественно-религиозных, культурных и иные форм объединения, которые позволяли консолидировать русскую эмиграцию. Данные формы единения, естественно, не представляли собой уникального явления и были в целом весьма обычными для всех русских диаспор, существовавшими тогда в Европе. Тем не менее, что кажется наиболее важным, автор также обратила особое внимание еще и на отсутствие в рассматриваемых объединениях ярко выраженной политической составляющей (с. 156), что уже явно указывало на специфические особенности существования русской «колонии» в Швеции.

Далее, можно поддержать еще одно из наблюдений, содержащееся в диссертации. Оно касается констатации того, что «русские эмигранты в Швеции в 1920-1930-е гг. не только не смогли создать серьезных политических или культурных организаций, но испытывали существенные сложности в благотворительной работе и помощи друг другу» (с.162). Представленное положение тоже выглядит достаточно любопытным, поскольку явно

свидетельствует о специфических чертах существования в Швеции русской «колонии» и, несомненно, демонстрирует проблемы, которые возникали в вопросах русской интеграции в шведском обществе.

В целом, в данной части работы, наиболее интересным представляется то, как автор диссертации стремилась разобраться в конкретных формах взаимодействия русских эмигрантов со шведской общественностью. В диссертации А. А. Боровская, опираясь на шведские архивные материалы, смогла, в частности, показать определенные попытки организации в Стокгольме шведской общественностью т.н. «русских вечеров» (с.166-170). Подобные, скорее, творческие встречи, безусловно, являлись важными для сохранения определенного духовного единения и, как было в работе справедливо подмечено, уже «в конце 1920-х и в 1930-е гг., перешли под покровительство шведской королевской семьи» (с. 168). Все это явно указывало на весьма высокий общественный уровень данных мероприятий.

Приходится, тем не менее, лишь только сожалеть, что автору диссертации так и не удалось проанализировать еще проблемы, как она сама заметила, «более “низкого” уровня взаимодействия», которое могли уже просматриваться «при контактах между русскими иммигрантами и их шведскими коллегами, соседями и знакомыми» (с. 182, см. также: с.187).

В целом, очевидно, что А. А. Боровская стремилась в качестве основы своего исследования использовать принципы объективности и историзма, где «факты и события рассматриваются неотрывно от контекста и конкретной исторической ситуации» (с. 39). Это позволило в оценках проблем взаимоотношений русской диаспоры, шведского государства и общества реально подойти к достижению наибольшей объективности.

Более того, тот факт, что многие положения, сформулированные в диссертации, уже прошли в научных публикациях А. А. Боровской соответствующую апробацию, а также обсуждались на ряде весьма представительных международных научных конференций, дает основание судить о весомости достигнутых результатов в ее исследовании. Очевидно, что определенные соображения, изложенные диссертантом, могут также еще быть

использованы для написания научных работ, касающихся проблем истории русской эмиграцией. Кроме того, материалы диссертационного исследования, вероятно, будут еще полезны при чтении специальных лекционных курсов о русской эмиграции на Западе.

Но, тем не менее, в порядке дискуссионного обсуждения представленной работы необходимо остановиться и на ряде содержащихся в ней положений, вызывающих определенные возражения.

1. В тексте диссертации существует весьма обстоятельный и подробный анализ источников и литературы, касающийся темы диссертационного исследования. Разбор и классификация использованных источников вообще подготовлен очень профессионально. Однако вызывает некоторое недоумение то, что автор практически проигнорировал ряд опубликованных в нашей стране работ, которые непосредственно относятся к теме диссертационного исследования.

В частности, несомненно, следовало, рассматривая русскую «колонию» в Швеции, обратить внимание на двухтомное издание дневников советского полпреда в Стокгольме А. М. Коллонтай (Дипломатические дневники. 1922-1940. Т. I-II. М., 2001). Это, очевидно, было бы особо важно, поскольку автор диссертации на странице 20 прямо указывает, что «тема взаимодействия русских дипломатических представительств в Швеции с эмигрантами из России и русской диаспорой после революции является слабо изученной, в том числе в виду практически полного отсутствия отражения этой проблематики в архивных материалах».

Данное утверждение выглядит достаточно загадочным, поскольку в указанном контексте А. А. Боровская, вероятно, имела уже ввиду не только уже не представлявших Россию в Швеции прежних дипломатов, но и советскую дипломатическую миссию, о деятельности которой, как известно, весьма обстоятельно как раз и пишет в своих дневниках А. М. Коллонтай.

Более того, естественно, проживающие в 1920-1930-х гг. в Швеции, советские дипломаты тоже не могли не входить в русскую «колонию», что, очевидно, следовало на страницах диссертации также упомянуть. В данном

плане, очевидно, стоило в диссертации коснуться опубликованных воспоминаний сотрудника НКВД в Стокгольме З. И. Воскресенской (Под псевдонимом Ирина. М., 1997). В этих воспоминаниях тоже есть соответствующие отдельные сведения, помогающие представить взаимоотношение русской «колонии» в Швеции с советским полпредством.

В целом представители русской «колонии» в Швеции, которые отражали взгляды левых, заслуживают, вероятно, более обстоятельного внимания. В этом плане далеко недостаточно лишь только ограничиться разовым упоминанием в историографическом обзоре монографии А. С. Кана («Hemmabolsjevikerna. Den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker andra världskriget och revolutionsåren 1914-1920» /Stockholm, 2005/), в которой непосредственно затрагиваются проблемы взаимодействия в 1914-1920 гг. шведских социал-демократов с русскими революционерами.

Более того, из текста диссертации не совсем ясно, какие особые вообще достижения наблюдались в Швеции у представителей русской «колонии». Хотя, бесспорно, на это следовало все же обратить соответствующее внимание. В частности, очевидно, необходимо было, как представляется, коснуться весьма непростого жизненного пути Владимира Мартыновича Смирнова. Он, будучи женатым на дочери знаменитого писателя и драматурга, основоположника современной шведской литературы, Августа Стринберга, переехал в 1918 г. в Швецию и далее в течение 36 лет прожил в этой стране. При этом, здесь, как известно, Смирнов вначале возглавил отделение российского информационного агентства (РОСТА), а затем стал в Стокгольме советским консулом. Очевидно, что, при раскрытии особенностей существования в Швеции русской диаспоры, деятельность таких личностей как В. М. Смирнов следовало тоже учитывать и уделить этому соответствующее внимание.

2. Вероятно, в тексте диссертации следовало особо объяснить то, какие основные мотивы являлись определяющими для диссертанта, когда в большей части своей работы автор рассматривает лишь проблемы, касающиеся сугубо шведской государственной иммиграционной политики. Такое структурное построение диссертации несколько отводит от главного объекта исследования и

не до конца дает представление о стремлении в комплексе, как это сказано во введении, рассмотреть аспекты «взаимоотношений между шведским государством и обществом и русскими эмигрантами» (с.9).

Также, вероятно, было необходимо более внимательно отнестись к формулировкам касающимся актуальности проведенной по теме диссертации исследовательской работы. То, что изучение проблем существования русской диаспоры в Швеции в постреволюционный период является сейчас достаточно актуальным не вызывает сомнений. Это автор диссертации в целом очень хорошо показала (с. 8-9). Однако содержащееся утверждение, что главный аспект актуальности «исследования определяется, в первую очередь, практически полной неизученностью проблем истории русской эмиграции в Швеции» (с. 6), все же представляется не до конца верным. Как известно, степень минимальной изученности какой-либо проблемы не может определять ее особую актуальность.

3. В оформлении научно-справочного аппарата диссертации наблюдается определенная небрежность, которая нередко позволяет лишь догадываться о характере источников, на которые содержатся авторские ссылки (см., например: с. 55, 61, 74-75, 84-88, 90-92 и т.д.). Также, очевидно, необходимо в тексте диссертации отказаться от цитирования документов на иностранном языке без его соответствующего перевода (с. 66, 78).

Тем не менее, высказанные замечания носят характер лишь пожеланий и не касаются основных результатов, которые автором были достигнуты в результате проведенного исследования. Кроме того, положения работы в достаточно полном объеме отражены в трех опубликованных статьях в изданиях перечня утвержденного Минобрнауки РФ. Сама же диссертация, несомненно, заслуживает положительной оценки, где общее качество проделанной работы, бесспорно, определяется ее актуальностью, новизной и особой практической значимостью.

Исходя из положительной оценки выполненного исследования, можно сделать вывод, что диссертация Боровской Анны Александровны «Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и

общества (1918–1940)», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 04.09.2016 № 6821\1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете. Соискатель А. А. Боровская заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. - Всеобщая история.

Член диссертационного совета, доктор исторических наук профессор, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

В. Н. Барышников

1.10.2017 г.